

Научная статья
УДК 902.2 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.016

ОХОТНИЧЬИ ЯМЫ В СЕВЕРНОЙ ФИНЛЯНДИИ (ПРОВИНЦИЯ КАЙНУУ)

Эса Суоминен¹, Марк Михайлович Шахнович²

¹Кайяни, Финляндия, esa.suominen@kajaani.net

²Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Аннотация

Цель работы — проанализировать интересные памятники археологии Севера — ямы-ловушки, известные в тундровой и северотаежной зонах Фенноскандии. В статье рассматриваются основные вопросы их изучения в Северной Финляндии. К началу XXI века финляндскими археологами сделана большая работа по изучению охотничьих ям. Системы охотничьих ям строились вместе с длинными специальными изгородями. Основным объектом охоты — северный олень и лось. Ямы-ловушки использовались от мезолита до XVI века. В Средневековье в Фенноскандии ловушки могли делать аборигены (саамы) и соседние народы (карелы, финны). При комплексном изучении этнографии и археологии охотничьи ямы — это хорошие информативные археологические объекты.

Ключевые слова:

Фенноскандия, Финляндия, провинция Кайнуу, охотничьи ловушки, северный олень, загонная охота, Средневековье

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Суоминен Э., Шахнович М. М. Охотничьи ямы в Северной Финляндии (провинция Кайнуу) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 184–193. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.016.

Original article

HUNTING PITS IN NORTHERN FINLAND (REGION OF KAINUU)

Esa Suominen¹, Mark M. Shakhnovitch²

¹Kajani, Finland, esa.suominen@kajaani.net

²Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Abstract

The aim of the work is to analyze interesting archaeological sites of the North — pit traps known in the tundra and north taiga zones of Fennoscandia. The article deals with the main issues of their study in Northern Finland and Lapland. By the beginning of the XXI century, Finnish archaeologists had done a lot of work in studying the hunting pits. Systems of hunting pits were built together with the long special fence. The main objects of hunting are reindeer and elk. Pit traps were used from the Mesolithic to the XVI century. In the Middle Ages in Fennoscandia, traps could be made by aborigines — Sami and neighboring peoples — Karelians, Finns. In a comprehensive study of ethnography and archeology, hunting pits are good informative archaeological object.

Keywords:

Fennoscandia, Finland, region of Kainuu, hunting traps, reindeer, corral hunting, Middle Ages

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Suominen E., Shakhnovitch M. M. Hunting pits in northern Finland (region of Kainuu). *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 184–193. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.016.

Ловчие ямы и народные традиции

Ловчие ямы — это один из самых распространенных и простых типов ловушек, используемых для охоты на зверей. Добыча животных с помощью охотничьих ям была известна по всей Фенноскандии. Известна она была и в Северной, и в Центральной Финляндии [1, р. 165]. Цель данной статьи — представить некоторые результаты обследования охотничьих ям на территории провинции Кайнуу (Северная Финляндия) в 1990-х годах. Ряд полевых работ проводился совместной экспедицией Музея провинции Кайнуу и Карельского государственного краеведческого музея (рис. 1).

Рис. 1. Район Кайнуу Финляндия

В Финляндии ямы-ловушки подразделяются на два типа. В первом для привлечения дичи в западню использовалась наживка, и таким способом можно было поймать любую живность — от птиц до медведей. Во вторую группу отнесены ямы-ловушки без приманки, вырытые на путях перемещений крупных животных (лосей и оленей) [2, р. 89]. Это деление не совсем четкое, так как эффективность ловушек, устанавливаемых на звериных тропах, можно было улучшить с помощью подходящей приманки [1: 176].

Когда говорят об охотничьих ямах, обычно подразумевают именно ямные сооружения для поимки оленей и лосей, которые при переходе из одного района в другой используют устоявшиеся пути следования. И те и другие — крупные животные, имеющие важное значение для человека как источник пищи и различного сырья при изготовлении орудий [3: 126].

С охотничьими ямами связаны различные предания в Финляндии и в близлежащих регионах Фенноскандии [2: 89; 4: 25; 5: 25; 6: 99–103]. В финской народной традиции они обычно разделяются на «лапландские ямы» и на ловушки для ловли оленей. В южной части ареала упоминаются также ямы для ловли лосей.

Ямы выкапывались на озерных мысах и песчаных участках, на которых растет ягель, рядом с большим болотом или озером. В Беломорской Карелии создавали системы ловушек в несколько

рядов ям на песчаных склонах. При охоте на лосей использовали ямы глубиной до 3–3,5 м. В Финской Лапландии ловушки на оленей были до двух метров глубиной, шириной 3,5 м и длиной 2,7 м. Ямы обычно накрывались хворостом или ветками и маскировались в соответствии с окружающим ландшафтом. Иногда использовались хорошо разработанные, самозакрывающиеся крышки. С обеих сторон ямы валились большие деревья, которые направляли добычу в западню. Перед ямой могло быть препятствие, через которое животное должно было перепрыгнуть. Таким образом достигалась ситуация, что оно упадет в яму и не сможет отступить [7: 92].

Есть сведения о ямах, которые имели сужающийся кверху сруб, но обычная ловушка для оленей и лосей преимущественно сужалась книзу [4: 25]. Крутые края ямы, вырытой в песке, быстро осыпались, и, кроме этого, животное, упавшее в нее, могло их еще больше повредить. Поэтому стены ловушек необходимо было укреплять горизонтально или вертикально установленными стволами мелких деревьев. На дне могло быть сделано небольшое углубление, где застревали копыта животного, когда они соскальзывали в яму [3: 116–117; 8: 287; 9: 1]. Но у нас нет информации о подобных конструкциях в Финляндии.

В ямах предположительно устанавливали вертикально острые колья, которые убивали или ранили животное [2: 89]. Шведскими археологами эта информация ставится под сомнение. Они считают, что яма-ловушка — это пассивный способ охоты, который не требует постоянного присутствия охотника, и ее назначение — служить «складом для живого мяса». Отмечается, что если в яме использовались колья, убивавшие животное, то основной целью было получение шкуры, а испорченное мясо не имело большого значения. Это особенно практиковалось в период позднего Средневековья, когда шкуры лосей стали ценным товаром для торговли [3: 127]. В то же время колья портили шкуры, что, конечно же, не увеличивало их стоимость. Если животное быстро умирало от большой потери крови, то вкус мяса ухудшался, но оно не портилось. Если животное падало в яму и умирало от стресса, то мясо было не пригодно для еды [9: 9]. В этих исследованиях абсолютно не учтена возможность ловли животных с использованием загона, и по этому вопросу есть различные мнения [1: 176].

Этнограф Самули Паулахарью опубликовал в своей книге «Земля Кайнуу» интересные описания ловчих ям, известных в Кайнуу. Когда он путешествовал по Северной Финляндии в начале XX века оленей там уже не было. Хотя опрашиваемые им старики в свое время участвовали в охоте на оленей, ловчие ямы связывались только с лапландцами, которые ловили копытных с использованием специальных загонных сооружений. Изгороди загонных сооружений делались из поваленных деревьев, уложенных на пни высотой до одного метра. В навалах оставались промежутки шириной в два метра, возле которых была установлена западня или вырыта яма, накрытая хворостом и мхом. В более позднее время в ямы ловили в основном волков. Для этого в качестве приманки использовались собаки [10: 82, 84].

Ловчие ямы и археология

Ловчие ямы находили уже в ходе первых археологических изысканий в Кайнуу, как написано в отчете О. А. Ф. Мустонена, который путешествовал по Северной Финляндии в 1884 году. По принятой в то время традиции, древности рассматривались в широком ракурсе: от орудий каменного века до легенд и церковных рукописей исторического периода. Охотничьи ямы упоминаются в связи со сказаниями о саамах под наименованием «лапландская могила». Об этих «лапландских могилах» Мустонен собрал много информации в различных районах Кайнуу.

В дальнейшем ловчие ямы перестали быть в среде археологов ценными объектами для исследований. Причину этого упоминает А. М. Таллгрэн в своей книге «Древность Финляндии»: «Ловчие ямы были памятью о лапландском быте, но не определяли точного времени их происхождения. Первобытная культура лапландцев была застывшей и неменяющейся... основным источником для исследования подобных «безисторических» культурных пространств и народов является языкознание» [11: 210–211].

Данное мнение превалировало среди археологов Финляндии долгое время. Например, в изданной в 1966 году в книге Эллы Кивикоски «Древние стационарные находки Финляндии» ловчие ямы вообще не упоминаются. Основными объектами археологического изучения были поселения и могилы преимущественно в Южной Финляндии. Северные области страны стали объектом исследований только в 1950-х годах, благодаря проектам по строительству больших

гидроэлектростанций. Ловчие ямы снова начали привлекать внимание археологов, и со временем их признали интересными объектами для исследований [1].

Во многом положительным примером был опыт работ в Северной Скандинавии (Северный Калотт), где этнографы в 1950-х годах начали осуществлять общее картирование памятников и исследовать ловчие ямы как часть культуры саамов. Археологи также заинтересовались этими объектами и вскоре отметили, что ловчие ямы в Северной Швеции были самым распространенным примером археологических древностей — во второй половине 1980-х годов было зарегистрировано около 30 000 ямных ловушек [3: 115]. Одновременно с увеличением территории обследования расширился ареал, где встречались остатки ям-ловушек [9].

Датировка ловчих ям

Долгое время определение времени существования ям-ловушек было невозможно, так как в них редко находили датирующие предметы и они считались относительно молодыми — «саамского времени». В соответствии с народными представлениями предполагалось, что саамы копали их еще до прихода финнов, а последние лапландцы ушли из Кайнуу в XVIII веке [12: 319]. Только радиоуглеродный анализ дал возможность для определения возраста ловчих ям и тем сделал их более интересными для исследований.

Но и без использования метода С-14 было возможно произвести относительный расчет возраста ловчих ям. При выкапывании ямы, из выброшенного грунта на ее краю образовывался небольшой вал, который перекрывал потревоженный слой земли. Возраст ямы можно было оценить, проверив состав почвы в вале и под ним. При раскопках для этого было достаточно сделать небольшое зондирование. Считается, что образование подзольного профиля длится более тысячи лет. Но, по нашим наблюдениям, в условиях Кайнуу и Южной Карелии типичная подзольная почва может образовываться относительно быстро — 5 см за 20 лет [13: 38].

При датировке по методу С-14 существуют некоторые сложности. Например, уголь, найденный на дне ловушки, может не иметь прямых связей с ямой, как, например, образцы, взятые в очаге. Грунт, наполняющий яму, обычно состоит из нескольких углистых прослоек — это следы самых ранних слоев гумуса, заполнявших яму, и лесных пожаров, и, естественно, они могут быть значительно моложе времени создания ловушки. Под валом на краю ямы обычно присутствует погребенный тонкий гумусированный слой, датирование которого можно провести, если под ним будут встречены угли.

Лучшими для датирования, конечно, будут образцы, взятые со дна ямы. Но и в этом случае нельзя исключить, что это не попавшие в яму листья, остатки лесных пожаров, которые также удревяняют возраст объекта. Выходом из этой ситуации может быть использование для датирования семян, найденных в макрофоссильных образцах древнего гумусного слоя [3: 122; 13: 38; 14: 12; 15: 297]. Наиболее достоверный результат можно получить с помощью сравнения датировки образцов, взятых из различных мест в яме. При определении возраста ловушки необходимо также учитывать, что она могла использоваться неоднократно с различными временными перерывами.

Известно много датированных ям в Швеции и Норвегии [3, p. 123; 9]. В Швеции самые поздние даты относятся к XVI веку, но часть ловушек датируется также каменным и бронзовым веками. Древнейшие объекты относятся к концу мезолита. В Финляндии исследований и датировок меньше. Они приходятся в основном на раннежелезный век, но есть даты, относящиеся к каменному веку [16: 59].

Ловчие ямы в Кайнуу

В провинции Кайнуу ловчие ямы стали привлекать внимание археологов начиная с 1970-х годов. В настоящее время все десять коммун Кайнуу в большей мере обследованы археологами. К началу XXI века в регионе было известно 87 мест с 560 ловчими ямами. Они являются вторыми по численности древними объектами, но по сравнению со Швецией или хотя бы с доисторическими стоянками в Кайнуу, которых около тысячи, их число не велико. Отчасти это может быть объяснено методикой археологических разведок, так как при поиске стоянок каменного века преимущественно обследуются берега водоемов, а ямы-ловушки обнаруживаются преимущественно случайно.

В основном группы ловушек состоят из одной-трех ям. Системы, образующие более двенадцати ям, редки. Среднее количество ям в одном месте — семь. Самый большой

памятник — это Ваалан Мартинканта, где на протяжении 1,3 км зафиксировано 64 впадины. В лесной зоне Финской Лапландии среднее число ям на памятнике больше 5–20, и даже известны системы, насчитывающие около 400 ям [1: 180].

При фиксации систем ловчих ям возникают естественные рабочие вопросы. Народные предания — это часто малодостоверный источник информации, и иногда некоторые объекты, причисляемые к ловчим ямам, ими не являются. Кроме того, яма на протяжении долгого времени могла быть использована для различных целей. Ее местоположение и форма дают некоторую «подсказку», когда мы пытаемся принять решение, идёт ли речь о ловушке или нет. В Кайнуу много примеров, что определение функционального назначения впадины без производства земляных работ затруднительно или же невозможно [17: 124].

Место нахождения ямы определялось, прежде всего, путями перемещения животных, определенных в качестве объектов лова и возможностью создания ямы. Ловчие ямы практически всегда располагаются на песчаных, сухих площадках, поросших сосняком. Иногда они находятся на обрывистом краю террасы, ограниченной болотом. Второе типичное местоположение в рельефе — это верхняя часть каменистого оза, расположенного посередине болота или озера. Перешеек между двух озер или озерный мыс — это также обычные места для размещения ловчей ямы.

Современный вид охотничьей ямы зависит от степени ее оплывания. На это влияет много факторов, и изначально одинаковые по размеру и возрасту ямы могут сегодня сильно отличаться по своему первоначальному внешнему виду. Но некоторые общие типичные черты все же существуют. Диаметр охотничьих ям, обнаруженных в Кайнуу, в среднем составляет 2–4 м, а глубина — до 0,5 м. Часто, но не всегда, их окружает низкий валик. Форма в плане округлая и воронкообразная в поперечном сечении, дно может быть четко продолговатым. Яма в плане может быть и вытянуто овальной, но это встречается не часто, как, например, в Лапландии [18: 165–166].

Исследованные археологами ловчие ямы в Кайнуу

На начало XXI века в Кайнуу исследованы с помощью раскопок восемь объектов, относимых к ловчим ямам. Предприняты попытки реконструировать их первоначальные размеры, найти остатки возможных строительных конструкций, а также датировать их. Ни одна из них не была раскопана полностью. За исключением одной ямы, все они обследовались с помощью траншей шириной в один метр, проходящих через самую глубокую точку впадины. Это дает возможность исследовать поперечный разрез ямы и выявить сохранившиеся крепежные конструкции. Способ не очень хороший, так как большое количество материала остается вне изученного участка. Положительный момент — значительная экономия времени и рабочей силы. Так археологи поступали в Хюрюнсальми (Нуоливаара), Пуоланка (Рантала и Хаутала), Соткамо (Палолахти и Рянтаянгалас), а также в Кайяни (Туомаала), где были обследованы две ямы. В Пуоланка (Хаутала) яма была исследована делением её на четыре части с помощью двух перпендикулярных бровок, идущих через центр ямы. При раскопках двух четвертей, находящихся друг напротив друга, были получены противоположные поперечные разрезы и прослежена несимметричность ямы. Целью работ также было исследование дна ямы, что считается весьма важным при изучении ее конструкции [17: 126]. В некоторых случаях подъем грунтовых вод в яме существенно осложнял осуществление наблюдений.

Дно обследуемых ям появляется на глубине 1,8–2,4 м от современной поверхности краев ямы. Оно обычно ровное, около метра в длину. Стенки были крутыми, и из-за их осыпания невозможно было точно определить первоначальный диаметр ямы, но он составлял не менее 2,5–3 м. Считается, что на основании размеров ям их можно разделить на предназначенные для ловли оленей или для поимки лосей [9: 13]. На основании этого все ловчие ямы в Кайнуу следует рассматривать как ловушки для лосей, к чему можно отнестись с некоторым недоверием. В ямах не было обнаружено никаких следов деревянных конструкций и заостренных колышков. В ямах в Хюрюнсальми и Пуоланка (Хаутала) на дне прослежен четкий углистый слой, который можно рассматривать как остатки крепежной конструкции стен или верхнего покрытия ямы. Возможно, что доисторические охотники могли преднамеренно поджигать лес вокруг ям, делая его более привлекательным для животных, и наличие угля, найденного на дне ям, можно объяснить этим [9: 2] (рис. 2).

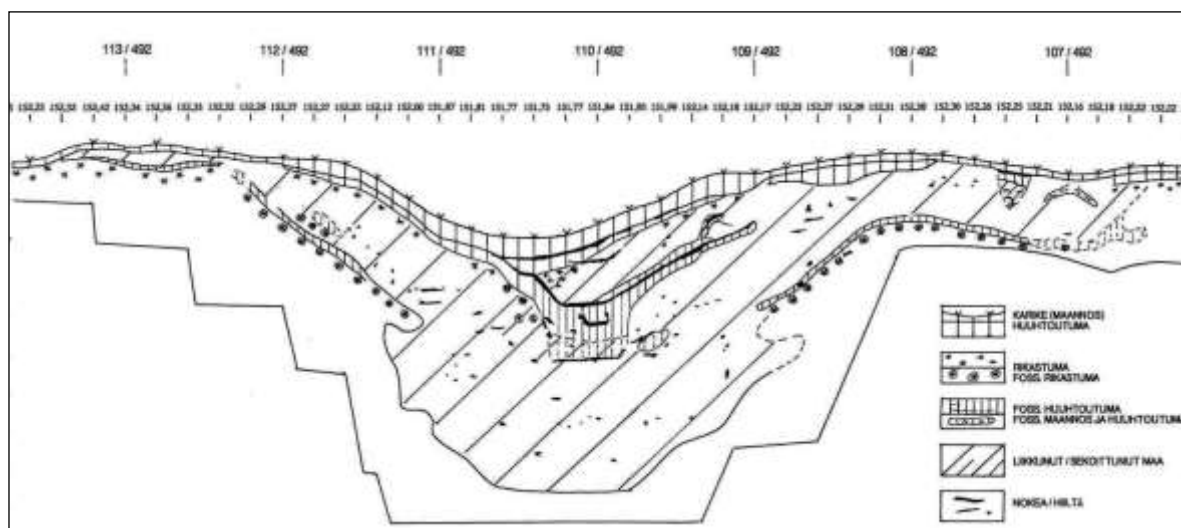

Рис. 2. Ловчая яма Кайяни Туомаала. Стратиграфия профиля раскопа. Раскопки Э. Суоминен, 1999 [16]

Датировка ловчих ям в Кайнуу

В Кайнуу датированы три ловчие ямы, и результаты были для нас неожиданными. Датировка образца из исследованной в Пуоланка (Рантала) ямы — 4600 ± 80 BP (TA-2381), что совпадает с основным блоком датировок земляных ловушек, полученных шведскими и норвежскими археологами. В Финляндии также есть несколько датировок эпохи неолита. Обследованная в 1994 году в Хюрюнсальми (Нуолихарью) яма получила неожиданные даты — 8960 ± 120 BP (He1 3924) и 8890 ± 110 BP (He1 4045), которые на то время были самыми древними, относящимися к человеческой деятельности во всей Финляндии. Невероятным это не кажется, так как в Кайнуу ранним мезолитом датировано несколько стоянок [19]. На основании этого можно сделать вывод, что уже самые первые жители в регионе Кайнуу знали ловчие ямы [16].

Достоверность датировки в Нуолихарью подтверждает исследованная в 1996 году яма в Пуоланка (Хаутала). Даты периода финального мезолита — 7310 ± 100 BP (He1 4044) — в Нуолихарью и Хаутала были получены из образца из толстого слоя угля, обнаруженного на дне ямы. Поэтому нет причин сомневаться, что они относятся к другому периоду времени.

Системы ловчих ям в Кайнуу

Нет ясного объяснения, какие системы образуют ямы в Кайнуу и какие закономерности в них можно проследить. При первичном осмотре с большой точностью определяются только количество и местонахождение впадин, их размеры в современном состоянии, расстояние друг от друга. Но не всегда есть возможность установить существовавшую систему. Достоверность вероятных умозаключений может быть не совсем точной, так как ямы, вроде бы относящиеся к одному комплексу, не обязательно могли использоваться единовременно [3: 123].

В отношении ловчих ям Кайнуу следует сделать вывод, что места их расположения бывают трех вариантов. Они находятся на путях перемещения животных, например, на тропе, находящейся на гребне оза, или же ямой перекрывался какой-то участок рельефа, например, перешеек между двумя озерами. Третий вариант — ловушки разбросаны по территории случайным образом. В качестве примера четкой системы ловушек можно назвать группу из 34 ям в Ваала (Кивиюнкангас). Это две перпендикулярно расположенные цепочки впадин длиной по 0,5 км, ограниченные крутым обрывом [17: 128].

При исследовании размеров ям, их числа, взаимосвязи друг с другом и с окружающим ландшафтом можно найти ответы на некоторые вопросы. Строительство и содержание больших систем ям требовало значительных трудозатрат и хорошо организованного процесса охоты. Это косвенно указывает на «коммерческое» использование результатов охоты. Исследуя ямы, можно выяснить какое животное было объектом ловли и в какой сезон проводилась охота [1: 12; 9: 13–20].

В Кайнуу народные предания рассказывают об «оленьих ямах». Однако лось был настолько важным объектом промысла, что можно полагать, что охота на него в Кайнуу также проходила с помощью ям-ловушек (рис. 3, 4).

Рис. 3. Охотничья яма. Пуоланка Ярвенпаа. 2019. Фото Т. Мёкконен / Finnish Heritage Agency

Рис. 4. Охотничья яма. Пудасярви Саинселькя 7. 2008. Фото П. Песонен / Finnish Heritage Agency

Ловчие ямы и стоянки человека

В Кайнуу недалеко от ловчих ям в процессе раскопок обнаружены находки, относящиеся к каменному веку, например отщепы кварца. Аналогичные ситуации наблюдались и в других местах [1: 179]. Вероятно, это следует рассматривать как случайное совпадение, так как вряд ли ловчие ямы создавались в непосредственной близости от мест жительства людей. С другой стороны, строительство и содержание ловчих ям требовало непосредственного присутствия и, таким образом, обустройства лагеря вблизи объекта. Вследствие этого вокруг ловушек, вероятно, должны были оставаться следы разделки дичи.

Относительно исследованных в Кайнуу объектов только в районе ямы Туомала (Каяани) не было обнаружено никаких находок. Ближайшая известная стоянка человека находится в 0,3 км от нее. Ямы, обследованные в Туомаала, являются частью цепочки из 33 впадин. Они расположены у подножья высокого обрыва, но большая их часть находится на верхней площадке.

В заполнении ямы в Хюрюнсальми (Нуолихари) обнаружены неопределенного возраста куски камня. Вероятно, они совпадают по возрасту со временем функционирования ямы, и можно предполагать, что они имели отношение к обработке добычи. Обследованная яма расположена на длинном хребте оза, окруженном двумя болотами. В 40 м от нее расположена вторая ловчая яма, третья находится на расстоянии около одного километра. До ближайшего известного места стоянки человека около 10 км [16].

В Пуоланка (Рантала), видимо, речь идет о лагере охотников. На берегу озера Пирттиярви обнаружены отщепы кварца и кальцинированные кости. Однако при производстве раскопок на берегу найдены только незначительные признаки жизнедеятельности. В связи с этим была проверена одна из десяти ям, находящихся на береговом склоне, которая оказалась ловушкой эпохи неолита [17: 130].

Аналогичным объектом является Пуоланка (Хаутала). На береговом склоне на Аухоярви отмечено пять впадин, похожих на ловчие ямы. Две из них были обследованы, одна из них и получила упомянутую выше датировку эпохой мезолита. Вокруг ям были произведены относительно обширные раскопки. На обследованной территории размером 0,1 × 0,1 км были найдены в различных местах одиночные осколки кварца, кальцинированные кости и обломки каменных изделий. На некоторых объектах обнаружены остатки очагов [17: 130]. Радиоуглеродная дата угля из очага в раскопе — 8310 ± 100 BP (Beta 1231182), а единственная находка, пригодная к датировке, — это обломок зашлифованного сланцевого наконечника копья. В датировках ловчей ямы и очага разница почти в тысячу лет, но, тем не менее, они относятся к одному хронологическому периоду.

В Хаутала помимо ловчих ям была обследована также третья яма, некоторым образом отличающаяся от предыдущих. Она имеет дно конической формы, глубину 1,8 м и периметр около трех метров. Ее заполнение — прокаленный песок и обгоревшие осколки костей, а также немного кварцевых отщепов. В Швеции в системах охотничьих ловушек часто встречаются ямы, которые использовались для обработки мяса с добытого животного [20: 217]. Вероятно, в Хаутала мы имеем дело с примером такой же практики.

Есть памятники, в которых ловчая яма расположена около стоянки с большим количеством находок, например, впадина, обследованная в 1999 году в Соткамо (Рястякангас). Она расположена на расстоянии приблизительно 70 м от места стоянки, датированной концом каменного века.

Второй важный пример — стоянка Соткамо (Палолахти), где в 1998 году исследована стоянка со смешанным комплексом неолита и раннего железного века. Она находится на перешейке шириной 150 м между двух озер. Всего на перешейке обнаружено 12 впадин, похожих на типичные ямные ловушки. Они расположены таким образом, что можно предположить, что их целью было перекрытие всего перешейка. В качестве объекта для исследования была выбрана одна из ям, расположенная вблизи стоянки. Целью раскопок было выяснение связи стоянки и ям. К нашему удивлению, яма диаметром 2,7 м оказалась глубиной всего один метр. В ней, а также вокруг нее не оказалось никаких находок и культурного слоя. Это может быть одним из аргументов, что без проведения раскопок сложно составить мнение об их назначении.

Выводы

Подведем некоторые итоги нашего небольшого обзора ситуации с охотничьими ямами в Северной Финляндии (провинция Кайнуу). По нашему мнению, они, по сравнению с местами стоянок каменного века, обследованы в регионе все же незначительно. Но результаты небольших проведенных исследований показали, что при раскопках ловчих ям можно получить важную информацию о способах охоты, их изменениях во времени, о совместных действиях древних коллективов. Во многом сходная ситуация с ямами-ловушками наблюдается и на соседней территории Карелии и Русской Лапландии [21].

Список источников

1. Kortenien M. Rangifer tarandus fennicus ja pohjoisen havumetsäalueen pyyntikuoppajäänteet // Suomen varhaishistoria / Studia Historica Septentrionalia. 1992. 21. P. 165–196.
2. Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansatieteen tuloksia. I. 1919. Helsinki. 576 p.
3. Melander J. Fångstgropar i Jämtland. In Arkeologi i fjäll, skog och bygd. Stenålder – tidig järnålder // Fornvårdaren 23. 1989. 1. P. 115–128.
4. Sirelius U. T. Metsästys // Suomen suku. 1934. III. Helsinki: Otava. P. 3–46.
5. Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen. 1945. II. Porvoo. 1948. 415 p.
6. Tegengren H. En utdöd lappkultur i Kemi lappmark // Acta Academiae Aboensis. Humaniora. 1954. XIX. Abo. P. 99–103.
7. Kolehmainen A. Perinteellistä suurriistan pyyntiä Länsi- ja Pohjois-Siperiassa (Suomalais-ugrilaisilla kansoilla). Orimattila: Finkandia Kirja, 1990. 116 p.
8. Spång L.-G. Fångstgropar — lämningar efter forntida älgfångst // Västerbotten. 4/81. Umeå, 1981. P. 282–290.
9. Spång L.-G. Prehistoric use of pitfalls in Åsele Lappmark // Readings in saami history, culture and language II / Center for Arctic Cultural research. Miscellaneous publication. 1991. № 12. Umeå University. P. 3–18.
10. Paulaharju P. Kainuun mailta Kansantietoutta Kajaanin kulmilla. Helsinki, 1922. 247 p.
11. Tallgren A. M. Suomen historia I: Suomen muinaisuus. Porvoo: WSOY, 1931. 256 p.
12. Keränen J. Uudisraivauksen ja rajasotien kausi // Kainuun historia I. Kajaani. 1986. 315 p.
13. Halinen P. Pyyntikuoppien tutkimisesta // Muinaistutkija. 1/1996. Helsinki. P. 34–47.
14. Kortenien M. Maannostutkimuksesta kasvillisuusanalyysiin-luonnontieteellisiä metodeja inventointitutkimukseen // Muinaistutkija. 3/1995. Helsinki. P. 8–22.
15. Wester Ch. Gropar – gamia och nya // Västerbotten. 4/1981. Umeå. P. 291–299.
16. Kortenien M., Suominen E. Nuoliharju W-Suomen vanhin pyyntikuoppa? // Studia Historica Septentrionalia. 34. Rajamailla IV/1997. Juväskylä. 1998. P. 51–67.
17. Суоминен Э. Ловчие ямы в свете данных по провинции Кайнуу в Финляндии // Вестник Карельского краеведческого музея. 2002. Вып. 4. С. 114–133.
18. Hamari P. Saamelaisperäisten muinaisjäännösten inventointi // Arkeologinen inventointi. Opas inventoinnin suunnitteluun ja toteuttamiseen. Juväskylä. 2000. P. 161–172.
19. Шахнович М. М. Древнейший этап освоения человеком территории Карелии и Финляндии в период поздне- и послеледниковья (к постановке проблемы) // Тверской археологический сборник. Вып. 4, т. 1. Тверь, 2000. С. 80–90.
20. Hvarfner H. Storkök vid Holmfjärvi // Norbotten. 1963. Luleå. P. 211–224.
21. Шахнович М. М. Охотничьи ямы Восточной Фенноскандии: археология и этнография // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». 2023. № 1 (59). С. 25–36.

References

1. Kortenien M. Rangifer tarandus fennicus ja pohjoisen havumetsäalueen pyyntikuoppajäänteet. *Suomen varhaishistoria*. Studia Historica Septentrionalia, 1992, 21, pp. 165–196.
2. Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansatieteen tuloksia. I. 1919. Helsinki, 576 p.
3. Melander J. Fångstgropar i Jämtland. In Arkeologi i fjäll, skog och bygd. Stenålder — tidig järnålder. *Fornvårdaren* 23, 1989, 1, pp. 115–128.

4. Sirelius U. T. Metsästyp. *Suomen suku*, 1934, III. Helsinki, Otava, pp. 3–46.
5. Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen. 1945. II. Porvoo, 1948, 415 p.
6. Tegengren H. En utdöd lappkultur i Kemi lappmark. *Acta Academiae Aboensis. Humariora*, 1954. XIX. Abo, pp. 99–103.
7. Kolehmainen A. Perinteellistä suurriistan pyyntiä Länsi- ja Pohjois-Siperiassa (Suomalais-ugrilaisilla kansoilla). Orimattila, Finkandia Kirja, 1990, 116 p.
8. Spång L.-G. Fångstgropar — lämningar efter forntida älgfångst. *Västerbotten*. 4/81. Umeå, 1981, pp. 282–290.
9. Spång L.-G. Prehistoric use of pitfalls in Åsele Lappmark. *Readings in saami history, culture and landguare* II / Center for Arctic Cultural research. Miscellaneous publication, 1991, no. 12. Umeå University, pp. 3–18.
10. Paulaharju P. Kainuun mailta Kansantietoutta Kajaanin kulmilta. Helsinki, 1922, 247 p.
11. Tallgren A. M. Suomen historia I: Suomen muinaisuus. Porvoo, WSOY, 1931, 256 p.
12. Keränen J. Uudisraivauksen ja rajasotien kausi. *Kainuun historia* I. Kajaani, 1986, 315 p.
13. Halinen P. Pyyntikuoppien tutkimisesta. *Muinaistutkija*, 1/1996. Helsinki, pp. 34–47.
14. Kortenieniemi M. Maannostutkimuksesta kasvillisuusanalyysiin-luonnontieteellisiä metodeja inventointitutkimukseen. *Muinaistutkija*. 3/1995, Helsinki, pp. 8–22.
15. Wester Ch. Gropar – gamia och nya. *Västerbotten*. 4/1981. Umeå, pp. 291–299.
16. Kortenieniemi M., Suominen E. Nuoliharju W-Suomen vanhin pyyntikuoppa? *Studia Historica Septentrionalia*. 34. Rajamailla IV/1997. Juväskylä, 1998, pp. 51–67.
17. Suominen E. Lovchie yamy v svete dannyh po provincii Kajnuu v Finlyandii [Trapping holes in the light of information from the province of Kainuu in Finland]. *Vestnik Karelskogo kraevedcheskogo muzeya*. 2002, issue 4, pp. 114–133. (In. Russ.).
18. Hamari P. Saamelaisperäisten muinaisjäännösten inventointi. Arkeologinen inventointi. *Opas inventoinnin suunnitteluun ja toteuttamiseen*. Juväskylä, 2000, pp. 161–172.
19. Shakhnovitch M. M. Drevnejshij etap osvoeniya chelovekom territorii Karelii i Finlyandii v period pozdne- i poslelednikov'ya (k postanovke problemy) [The oldest stage of human development of the territory of Karelia and Finland in the period of the late and post-glacial period (to the formulation of the problem)]. *Tverskoj arheologicheskij sbornik*, 2000, issue 4, vol. 1. Tver, pp. 80–90. (In. Russ.).
20. Hvarfner H. Storkök vid Holmfjärvi. *Norbotten*, 1963. Luleå, pp. 211–224.
21. Shakhnovitch M. M. Ohotnich'i yamy Vostochnoj Fennoskandii: arheologiya i etnografiya [Hunting pits of eastern Fennoscandia: archaeology and ethnography]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Seriya "Istoriya i filologiya"*, 2023, no. 1 (59), pp. 25–36. (In. Russ.).

Информация об авторах

Э. Суоминен — независимый исследователь;

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the authors

E. Suominen — independent researcher;

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 31.03.2023; принята к публикации 21.04.2023.
The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 31.03.2023; accepted for publication 21.04.2023.